

РОССИЯ В
МЕМУАРАХ

Новое
Литературное
Обозрение

«ЗДЕСЬ И АВТОБИОГРАФИЯ, И ИСТОРИЯ, И ПУБЛИЦИСТИКА». ВАСИЛИЙ МАКЛАКОВ И ЕГО ГЛАВНЫЕ МЕМУАРЫ

Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) вошел в историю России конца XIX — начала XX в. как адвокат, оратор, юрист и публицист, как лидер правого крыла Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы) и кадетской фракции II–IV Государственных дум, а также как талантливый мемуарист. К настоящему времени биография и взгляды Маклакова, по крайней мере в общих чертах, изучены достаточно хорошо¹, причем наиболее заметный вклад внес О.В. Будницкий². Тем не менее имеются все основания для того, чтобы

---

¹ См.: *Адамович Г.В.* Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959; *Карпович М.* Два типа русского либерализма: Маклаков и Милюков // Новый журнал. 1960. Кн. 60. С. 265–280; *Серков А.И.* Маклаков Василий Алексеевич // Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: энциклопедический словарь. М., 2001. С. 509–511; *Дедков Н.И.* Консервативный либерализм Василия Маклакова. М., 2005; *Соловьев К.А.* Маклаков Василий Алексеевич // Российский либерализм середины XVIII — начала XX в.: энциклопедия. М., 2010. С. 550–554; *Шевырин В.М.* Василий Алексеевич Маклаков. «Счастье и благо личности скажут нам, куда направить развитие общества...» // Российский либерализм. Идеи и люди. М., 2018. Т. 2. С. 563–572, и др. работы.

² См. его статьи: Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999. № 2. С. 12–26; № 3. С. 64–80; Маклаков и Милюков: два взгляда на русский либерализм // Либерализм в России: исторические судьбы и перспективы. М., 1999. С. 416–428; В.А. Маклаков и «еврейский вопрос» // Вестник Еврейского университета. История. Культура. Цивилизация. 1999. № 1 (19). С. 42–94; Милюков и Маклаков: к истории взаимоотношений. 1917–1939 // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. М., 2000. С. 358–383; В.А. Маклаков // Российские либералы. М., 2001. С. 492–533; Попытка примирения // Диаспора. Новые материалы. Париж; СПб., 2001. Вып. 1. С. 179–240; В.А. Маклаков и журнал «Современные записки» // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940). М., 2010. С. 203–232; а также публикации: «Большевиизм есть несчастье, но несчастье заслуженное»: переписка В.А. Маклакова и А.А. Кизеветтера (совместно с Т. Эммонсом) // Источник. 1996. № 2. С. 4–24; Послы несуществующей страны // «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка 1919–1951: В 3 т. М.; Стэнфорд, 2001–2002; 1945 год и русская эмиграция. Из переписки М.А. Алданова, В.А. Маклакова и их друзей // Ab Imperio. 2011. № 3. С. 243–311; Спор о России:

остановиться подробнее на личности автора воспоминаний, предлагаемых вниманию читателей.

Василий Алексеевич Маклаков родился 10 мая 1869 г. в Москве и был крещен там же 22 мая³. Отцом его являлся Алексей Николаевич Маклаков (1837–1895), известный офтальмолог, основатель Московской офтальмологической школы. Мать, Елизавета Васильевна Чередеева (1848–1881), спустя 12 лет после рождения первенца скончалась, и его мачехой в 1885 г. стала писательница Лидия Филипповна Нелидова, урожденная Королева, в первом браке Ломовская (1851–1936). Все биографы В. А. Маклакова указывают, что он потомственный дворянин, однако в действительности с его происхождением все было сложнее. Статский советник А. Н. Маклаков 2 апреля 1880 г. получил орден Св. Владимира 3-й степени⁴, после чего 9 сентября 1882 г. обратился в Московское дворянское депутатское собрание с прошением, в котором говорилось: «По Всемилостивейше пожалованному мне ордену Св. Владимира 3 ст. желаю быть записанным в родословную книгу дворянства Московской губернии, вместе с покойною женою моею Елизаветою Васильевною, рожденною Чередеевою, и детьми моими...»⁵. К этому времени у А. Н. Маклакова было трое сыновей (Василий, Николай и Алексей) и четыре дочери (Елизавета, Александра, Ольга и Мария). Московское дворянское депутатское собрание 2 января 1880 г. постановило внести А. Н. Маклакова и его детей в 3-ю часть Московской дворянской родословной книги, а 19 марта 1884 г. Сенат утвердил постановление депутатского собрания, поскольку А. Н. Маклаков получил орден Св. Владимира 3-й ст., «каковым приобрел права потомственного дворянства»⁶. Следовательно, В. А. Маклаков стал дворянином, когда ему было 14 лет.

В. А. Маклаков — В. В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. М., 2012; Адвокаты в изгнании. Из переписки Василия Маклакова и Оскара Грузенберга // Родина. 2014. № 10. С. 138–141; № 11. С. 124–125; «Я совершенно признаю, что продолжать совместную работу нам будет трудно»: В. А. Маклаков // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2014. Т. 4. С. 111–242; «Права человека и империи»: В. А. Маклаков — М. А. Алданов. Переписка 1929–1957 гг. М., 2015. С. 5–44.

³ Копия метрического свидетельства В. А. Маклакова // РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Ч. 1. Д. 477. Л. 14.

⁴ Копия грамоты о награждении А. Н. Маклакова орденом Св. Владимира 3-й ст. // Там же. Л. 12.

⁵ Пршение А. Н. Маклакова в Московское дворянское депутатское собрание. 9 сентября 1882 г. // Там же. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 20, 21, 22, 23.

В 1887 г. Василий окончил с серебряной медалью 5-ю Московскую гимназию и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, во время учебы он активно участвовал в студенческом движении. В 1890 г. за участие в студенческих беспорядках был арестован и провел пять суток в Бутырской тюрьме, а затем вообще исключен из университета без права поступления в него. Однако в 1891 г. благодаря хлопотам отца Маклакова восстановили в университете, но с переводом на историко-филологический факультет. Здесь он серьезно увлекся историей и стал одним из любимых учеников известного медиевиста профессора П.Г. Виноградова, который в 1894 г., по окончании Маклаковым учебы, предложил ему остаться в университете для подготовки к профессорскому званию. Этому воспротивился попечитель Московского учебного округа Н.П. Боголепов, не забывший «грехи молодости» Маклакова. Военскую повинность он отбывал канониром на правах вольноопределяющегося 1-го разряда в 3-й батарее 3-й Гренадерской артиллерийской бригады, откуда в сентябре 1895 г., выдержав экзамен на чин прапорщика запаса, был уволен в запас. Ранее, в мае этого года, семью Маклакова постигло большое горе — скончался его отец, и старший сын, чувствуя на себе груз ответственности за младших братьев и сестер, решил стать адвокатом. В 1896 г. Маклаков сдал экстерном экзамены по курсу юридического факультета Московского факультета и стал помощником присяжного поверенного А.Р. Ледницкого, а позднее — знаменитого Ф.Н. Плевако.

В 1898–1900 гг. Маклаков был женат на оперной певице Евгении Павловне Михайловской. Судя по всему, она пошла на этот брак, чтобы узаконить свою дочку, которая при крещении получила фамилию «отца» (а может быть, и действительно отца). «Бог с тобой, я не могу тебя упрекать, — писала Михайловская Маклакову 27 июля 1898 г. — Меня только возмущает адская несправедливость — я так полюбила свою бедняжку! А ты? Ты исполнил обещание, ты дал ей ненадолго свое имя...»⁷. Семейная жизнь у начинающего адвоката не сложилась: по прошению жены, обвинившей Маклакова в супружеской неверности, их брак был расторгнут решением московского епархиального начальства. Сенат 29 февраля 1900 г. утвердил это постановление

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 31. Оп. 1. Д. 45. Л. 22. Приношу благодарность К.А. Соловьеву за предоставление архивной информации о супруге В.А. Маклакова.

с осуждением Маклакова «на всегдашнее безбрачие», и впоследствии он более в официальный брак не вступал и детей не имел. В 1901 г. Маклаков был утвержден присяжным поверенным округа Московской судебной палаты, наконец-то получив право на адвокатскую практику. Вместе с П.Н. Малянтовичем, Н.К. Муравьевым и Н.В. Тесленко Маклаков организовал кружок молодых адвокатов, которые, помимо прочего, бесплатно защищали в судах интересы малоимущих. Маклаков сделал хорошую карьеру, специализируясь на политических процессах, на которых рассматривались дела Н.Э. Баумана (1905), о Выборгском воззвании (1907), М.М. Бейлиса (1913) и др. Секретом успеха Маклакова как адвоката было его ораторское дарование.

В августе 1904 г. начинается превращение преуспевающего адвоката в политика, поскольку в августе этого года Маклаков становится секретарем и архивариусом, затем — членом Бюро кружка «Беседа», который координировал деятельность либеральной оппозиции. В ноябре 1904 г. на квартире Маклакова состоялось собрание присяжных поверенных, выдвинувшее требование введения в России конституции. В 1905 г. он являлся одним из лидеров Союза адвокатов, который входил в антиправительственный Союз союзов. В октябре 1905 г. Маклаков участвовал в подготовке Учредительного съезда Конституционно-демократической партии, а в январе 1906 г. на 2-м съезде Кадетской партии он был избран членом ее Центрального комитета и оставался им до 1917 г., будучи лидером правого крыла ЦК. Одновременно Маклаков являлся членом Московского городского комитета Кадетской партии и руководил партийной Школой ораторов. Наконец, он вступил в число масонов: 18 апреля 1906 г. его приняли в Великую ложу Востока, позднее — в розенкрейцеровский капитул «Астрея» (Петербург, Москва), в ложи «Возрождение» (Москва), «Полярная звезда» (Петербург), «Свободная Россия» и «Северная Звезда» (обе — Париж) и др.

В 1907–1917 гг. Маклаков являлся депутатом III и IV Государственных дум от Москвы и членом кадетской фракции, но более всего он прославился как «думский златоуст» — один из самых лучших ораторов нижней палаты. Параллельно Маклаков продолжал заниматься адвокатской практикой и сотрудничал в газете «Русские ведомости» и журналах «Вестник Европы», «Московский еженедельник», «Русская мысль». После начала Первой мировой войны он служил во Всероссийском земском союзе помощи больным и раненым воинам, с августа

1915 г. представлял эту организацию в Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. С августа 1915 г. по февраль 1917 г. Маклаков входил в Прогрессивный блок, оппозиционное межфракционное объединение в Государственной думе, и рассматривался лидерами блока как главный кандидат на пост министра юстиции в Министерстве общественного доверия, призванном заменить императорское правительство, ответственное перед Николаем II, а не Думой. Оппозиционность Маклакова дошла до того, что в ноябре 1916 г. он помогал В.М. Пуришкевичу и князю Ф.Ф. Юсупову в организации убийства Г.Е. Распутина, а в начале 1917 г. стал активным участником Февральской революции.

С 28 февраля по 3 марта 1917 г. Маклаков — комиссар Временного комитета Государственной думы в Министерстве юстиции, вечером 3 марта он участвовал в составлении акта великого князя Михаила Александровича об отказе от восприятия верховной власти, переданной ему 2 марта Николаем II. Маклаков оказался востребованным революционной властью: с 8 марта он был председателем, с 20 марта — членом Юридического совещания при Временном правительстве, с 25 марта — членом Комиссии при Министерстве юстиции для восстановления основных положений Судебных уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве. Временный комитет Государственной думы 4 мая избрал Маклакова своим членом, Временное правительство назначило его 25 мая членом Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание, а 1 августа членом Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии (Всевыборы). На состоявшемся 6 августа собрании православных членов Временного комитета Государственной думы Маклакова избрали членом Поместного собора Русской православной церкви. В августе он становится членом Совета общественных деятелей и участвует в Государственном совещании, которое заседало в Москве. С 3 октября Маклаков еще и член Временного совета Российской республики (Предпарламента), однако в это время он доживал последние дни в России, поскольку в июле Временное правительство решило назначить его послом во Францию.

Маклаков прибыл в Париж 26 октября, но уже 17 ноября, после победы в Петрограде Октябрьской революции, большевистский народный комиссар иностранных дел Л.Д. Троцкий сместил Маклакова с этого

поста. 24 ноября 1917 г. он был избран членом Учредительного собрания от Москвы. До установления в 1924 г. дипломатических отношений между СССР и Францией французское правительство признавало Маклакова послом России, и в этой должности в 1918–1920 гг. он являлся одним из руководителей дипломатии Белого движения. С 1924 г. Маклаков возглавлял Русский эмигрантский комитет во Франции (или Центральный офис по делам русских беженцев) и одновременно, как и ранее, участвовал почти во всех крупных культурных начинаниях эмигрантов в Париже. С другой стороны, в 1920–1930-е гг., когда не только культурная, но и политическая жизнь эмиграции первой волны была ключом, Маклаков демонстративно дистанцировался от политики, вследствие чего оказался более, чем кто-либо из известных дореволюционных политиков, «своим среди чужих, чужим среди своих».

В 1920 г. в русской эмиграции стали выкристаллизовываться три основных политических направления — монархическое, белогвардейское и социалистическое. Представители монархического направления, лидерами которого были недавние руководители Союза русского народа (Н.Е. Марков-2-й и др.), ратовали за реставрацию в России монархии, расходясь, однако, в том, кого признавать претендентом на престол — великого князя Кирилла Владимировича (двоюродного брата Николая II) или великого князя Николая Николаевича (двоюродного дядю Николая II). Странники белогвардейского направления, возглавляемые «раскаявшимися либералами» типа П.Б. Струве, выступали с позиций «непредрешенчества», то есть за то, чтобы вопрос о форме правления не предрешался до созыва в России, после свержения большевизма, общенационального учредительного органа, которому и надлежало решить этот вопрос. Странники социалистического направления, руководимые бывшими лидерами Партии социалистов-революционеров, в отличие от монархистов и белогвардейцев, были принципиальными республиканцами, а потому, не принимая Октябрьскую революцию всецело, продолжали отстаивать «завоевания Февраля». В условиях такой расстановки политических сил Кадетская партия была обречена на раскол после того, как в декабре 1920 г. лидер Кадетской партии П.Н. Милюков, который в эмиграции возглавил ее Парижскую группу, объявил о «новой тактике» партии, заключающейся в ориентации кадетов не направо, как это было во время Гражданской войны, а налево — для объединения с умеренными социалистами,

прежде всего правыми эсерами, основавшими в эмиграции журнал «Современные записки». В июне—июле 1921 г. Кадетская партия раскололась на две части, соответствовавшие существовавшим с момента основания партии левому и правому крылу, причем Милюкова поддержало меньшинство, образовавшее Демократическую группу, но в марте этого года именно он стал главным редактором самой популярной русской эмигрантской газеты «Последние новости». В июне 1924 г. по инициативе Милюкова в Париже возникли Республиканско-демократическое объединение и Республиканско-демократическая группа Партии народной свободы, членами которой могли быть не только кадеты.

Первоначально Маклаков участвовал в Совещании бывших членов Государственного совета и Государственной думы (ноябрь 1920 г.) и в Совещании членов Учредительного собрания (январь 1921 г.). Однако «новая тактика» Милюкова и резкое поправление далеко не самых правых кадетов оттолкнули Маклакова от «родной» партии и способствовали его превращению в беспартийного общественного деятеля. Впрочем, Маклаков по-прежнему поддерживал отношения и с консерваторами, и с либералами, и с социалистами, чему способствовали как особенности его личности, так и обязанности начальника Центрального офиса по делам русских беженцев. В 1940–1944 гг., во время германской оккупации Франции, Маклаков участвовал в движении Сопротивления и 28 апреля 1942 г. был арестован гестапо, после чего провел пять месяцев в тюремном заключении. Во главе группы русских эмигрантов 12 февраля 1945 г. Маклаков не только посетил советское посольство в Париже и передал через посла СССР А.Е. Богомолова поздравления советскому правительству, но и провозгласил тост за победы Красной армии. В связи с этим 24 марта 1945 г. Маклакова избрали почетным председателем Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией, однако вскоре он отказался от подобной идеи и покинул свой пост. Умер Василий Алексеевич от гангрены ног 15 июля 1957 г. в швейцарском Бадене, где и был похоронен первоначально, позднее его прах перезахоронили на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа близ Парижа.

* * *

В отличие от биографии В.А. Маклакова история создания впервые публикуемых в нашей стране его главных мемуаров — «Власть и общественность на закате старой России» — изучена явно недостаточно.

Во многом это объясняется сложностью не только их истории и предыстории, но и тех конкретных, даже бытовых обстоятельств, в которых они создавались. Дело в том, что Маклаков не отличался совершенством почерка и вообще, несмотря на громадный объем его письменного наследия, был устным, а не письменным человеком и поэтому собственные тексты предпочитал не писать, а диктовать или, на худой конец, перепечатывать на пишущей машинке.

Обрисовывая свою творческую лабораторию, Маклаков признавался В.В. Шульгину в феврале 1924 г.: «Написать и отложить на некоторое время трудно, потому что через некоторое время я своего почерка не узнаю, мне приходится работать не отставая, покуда я не приведу работу в тот вид, в котором она может быть переписана. <...> В Петрограде у меня был диктофон, и я писал все при его посредстве, это была замечательная вещь. Но никакой переписчик, ни стенограф мне его не заменит. Во-первых, потому что стенограф имеет свойство уставать, что вообще человеческие силы имеют предел, который может не совпадать с моей усталостью, почему стенограф не всегда в моем распоряжении, как был диктофон, а во-вторых, что для настоящей интенсивной работы мне всегда мешает присутствие постороннего человека около меня»⁸. Так немаловажные детали эмигрантского быта оказывали влияние на творчество эмигрантов первой волны...

Работу над воспоминаниями В.А. Маклаков начал как бы случайно. В 1923 г. по просьбе издателя Я.Е. Поволоцкого он написал предисловие к парижскому переизданию беллетризованного дневника В.М. Пуришкевича, посвященного участию его автора в подготовке и совершении убийства Г.Е. Распутина⁹. Обращение Поволоцкого к Маклакову вызывалось тем, что, как явствовало из дневника, Маклаков участвовал в подготовке этого убийства, о чем он через пять лет рассказал более подробно в воспоминаниях, опубликованных на страницах самого известного эмигрантского журнала «Современные записки»¹⁰. В том же 1923 г. выдержки из дневника Пуришкевича были

⁸ Спор о России. С. 176.

⁹ Маклаков В.А. Открытое письмо издательству «Я.Е. Поволоцкий и К°» // Из дневника В.М. Пуришкевича. Убийство Распутина. Париж, [1923]. С. 3–11.

¹⁰ Маклаков В.А. Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова // Современные записки. 1928. Кн. 34. С. 260–281.

опубликованы на французском языке в журнале «Revue de Paris»¹¹, причем и в данном случае дневник предваряло предисловие Маклакова под названием «Пуришкевич и эволюция русских партий»¹². Это предисловие заинтересовало французских знакомых Маклакова, которые попросили его написать воспоминания о русской революции 1917 г.

«Под влиянием различных причин, в которые не стоит входить, я, — сообщал В.А. Маклаков В.В. Шульгину 9 февраля 1924 г., — сейчас стою в раздумьи перед мыслью, не начать ли мне отбивать у Вас хлеб. И это не потому, чтобы Ваши лавры не давали мне спать или чтобы я мечтал с Вами сравняться. Главным образом, это потому, что на меня нажимают некоторые французы, а, во-вторых, потому что мне иногда совестно умереть, унеся с собой решительно все то, о чем иногда думаешь и говоришь с друзьями. Словом, от высокого слога переходя к простому, я Вам скажу, что от меня тоже просят для просветления французских умов написать им кое-что по современной русской истории, словом, какие-либо воспоминания о революции. Наседать на меня стали потому, что мое предисловие к Дневнику Пуришкевича в серьезных французских кругах имело успех»¹³. В результате в октябре — ноябре 1924 г. на страницах «Revue de Paris» В.А. Маклаков опубликовал цикл из трех статей под названием «Навстречу революции. Россия с 1900 по 1917 г.»¹⁴. В первой части, сквозь призму своих впечатлений, мемуарист изобразил события Февральской революции 1917 г. и их последствия, во второй — предысторию 1917-го, в третьей — события после Октябрьской революции. Уже тогда возник вопрос не только об издании этих статей отдельной книгой, но и о создании на их основе более развернутых воспоминаний. «Я, может быть, — информировал В.А. Маклаков Б.А. Бахметева 15 января 1925 г., — вовсе бы бросил начатое дело, если бы неожиданно не получил от одного здешнего издателя предложение выпустить мои статьи целой книгой. Но если так, то, очевидно, нужно было идти уже логическим путем, т.е. начинать сначала. Сделаю

¹¹ *Pourishkevitch V. Comment j'ai tue Raspoutine // Revue de Paris. 1923. 15 oct. P. 747–773.*

¹² *Maklakoff B. Pourishkevitch et evolution des parties Russie // Revue de Paris. 1923. Vol. 5. 15 oct. P. 721–746.* Отд. изд.: *Purishkevich V.M. Comment j'ai tue Raspoutine. Pages du journal traduit du russe par Lydie Krestovsky. Paris: J. Povolozky et cie, [1924]. P. 9–35.*

¹³ В.А. Маклаков — В.В. Шульгину. 9 февраля 1924 г. // Спор о России. С. 169.

¹⁴ *Maklakoff B. Vers la Révolution. La Russie de 1900 à 1917 // Revue de Paris. 1924. 1-er oct. P. 508–534; 15 nov. P. 271–291; 1-er déc. P. 609–631.*

ли я это или нет — судить не могу; зависит от многих условий, может быть и сделаю»¹⁵. Однако тогда намерения Маклакова воплощения не получили, он вернулся к этому замыслу некоторое время спустя.

В 1927 г. в Советской России была закончена семитомная публикация допросов и показаний, данных государственными и общественными деятелями старого режима работавшей в марте — октябре 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств¹⁶. В том же году во Франции издательство «Payot» опубликовало в одном томе французские переводы извлечений из этого семитомника, причем Предисловие написал В. А. Маклаков¹⁷. Характеризуя 19 декабря 1927 г. обстоятельства создания Предисловия, он сообщал Б. А. Бахметеву, что «“Предисловие” ведь и должно было быть только предисловием; предполагалось, что оно будет заключать от одного до двух печатных листов; лишь в процессе писания оно стало разрастаться; я стал захватывать новые области, прежний стройный план развалился, и, конечно, получилось нечто в целом неудобочитаемое. <...> Но вместе с тем в выборе материала, так сказать, тех мишеней, по которым я стрелял, играл роль не столько интерес самого вопроса, сколько соображения личного характера. И это необходимо понять и усвоить, чтобы судить о самом “Предисловии”. Несмотря на кажущуюся его объективность, оно имеет полемический характер; от себя я этого не скрываю»¹⁸.

Что же стало мишенью для полемических стрел В. А. Маклакова? «В этом предисловии бывший член Партии народной свободы, — подчеркивал бывший лидер этой партии П. Н. Милюков, — расширил пределы своей непосредственной задачи и дал общую характеристику политических событий последнего двенадцатилетия перед Октябрьской

¹⁵ «Совершенно лично и доверительно!». Т. 3. С. 222.

¹⁶ См.: Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: В 7 т. / Под ред. П. Е. Щеголева. М.; Л., 1924–1927.

¹⁷ *Maklakoff V. Préfacé // La chute du régime Tsariste: Interrogatoires des ministres, conseillers, généraux, hauts fonctionnaires de la Cour Impériale Russe par la Commission du Gouvernement Provisoire de 1917. Paris: Payot, 1927. P. 7–87.*

¹⁸ «Совершенно лично и доверительно!». Т. 3. С. 369.

революцией. Своей задачей В.А. Маклаков поставил полный пересмотр сложившихся взглядов на значение подготовительного периода к революции и сосредоточил свою критику обычных представлений почти исключительно на роли Партии народной свободы»¹⁹. Иными словами, Маклаков возложил вину за катастрофу 1917 г. в том числе и на Кадетскую партию, а в более широком смысле — и на русский либерализм начала XX в.

Подчеркнув, что «на все прошедшее в России есть установившиеся шаблонные точки зрения», В.А. Маклаков писал Б.А. Бахметеву 19 декабря 1927 г.: «Одни, люди старого режима, находят, что все было прекрасно, но откуда-то вышли революционеры и все испортили; есть другая точка зрения — русского либерализма и правоверного кадетизма, что вся беда в том, что и их, кадетов, не послушались, что в [1]906 г. не создали кадетского министерства с Милюковым во главе, а в 1917 г. за ними не пошли революционеры. Вот — это другое объяснение... Есть, наконец, и объяснения социалистические... Желая установить свою собственную точку зрения, я, может быть, перегибал палку в ту или другую сторону; и это довольно понятно, ведь мне нет надобности слишком усиленно отрешиваться от понятий старого режима; мне не было надобности и отмежевываться от революционеров; кроме глупых и пристрастных людей никто не смешает меня ни со старым режимом, ни с революцией; но все имеют право смешивать меня с Милюковым и вообще с кадетизмом. Оттого-то более всего я и отграничивался от них, подчеркивал, в чем с ними расхожусь и в чем их считаю виноватыми; эта чисто личная позиция усиливала оптический обман, заставляя думать, что я отношусь к ним наиболее враждебно; все это недоразумение; если я особенно настойчиво осуждаю их, то не только потому, что хочу от них отмежеваться, но и потому, что и считал и считаю, что именно они могли бы, если бы захотели, удержать Россию от разрушения. Этого не могли сделать ни революционеры, ни старый режим, а только — русский либерализм, и этого сделать не захотел»²⁰. Уже в 1929 г. В.А. Маклаков получил возможность выразить свои взгляды более обстоятельно на страницах «Современных

¹⁹ *Милюков П.Н. Суд над кадетским «либерализмом» // Современные записки. 1930. Кн. 41. С. 347.*

²⁰ «Совершенно лично и доверительно!». Т. 3. С. 369–370.

записок», которые начали с этого года печатать его воспоминания под названием «Из прошлого».

Полноценные мемуары В.А. Маклаков начал создавать по инициативе одного из редакторов «Современных записок» И.И. Фондаминского (Бунакова), который неоднократно встречался с Маклаковым в Париже, в гостеприимном эмигрантском салоне Эжена (Евгения Юльевича) Пети, чьи гости буквально заслушивались устными рассказами «думского златоуста» о былом. Маклаков позднее признался: «Самая мысль изложить свое понимание нашего партийного прошлого принадлежала не мне. Поскольку в этом есть чья-то вина, она лежит на И.И. Фондаминском. Он меня ею соблазнил и в своем журнале дал мне эту возможность»²¹. «У каждого из нас, — вспоминал М.В. Вишняк, другой редактор «Современных записок», — были авторы, которым мы давали предпочтение перед другими. Среди таких у Фондаминского был В.А. Маклаков, с которым он встречался еженедельно в течение ряда лет по четвергам за завтраком у знакомых. Возможно, что они были связаны друг с другом и раньше, по масонской линии, когда Фондаминский еще считал себя масоном и посещал масонские собрания»²². Действительно, как Маклаков, так и Фондаминский были масонами высоких степеней, причем Маклаков — с дореволюционным стажем²³.

Получив приглашение И.И. Фондаминского, В.А. Маклаков сообщил Б.А. Бахметеву 12 сентября 1928 г.: «...ко мне обратились с просьбой писать периодические и регулярные воспоминания, и я после некоторого колебания согласился; не знаю, дойду ли до конца, но попробую. Писать буду исключительно для русских, по-русски, но зато с полной откровенностью. Эти воспоминания поневоле выйдут тем, что большевики называют “самокритикой”, т.е. обвинительным актом против того течения, к которому я сам себя причисляю, т.е. либерального; многие, конечно, будут недовольны; но что еще хуже, будут довольны те, кого я вовсе радовать не собираюсь, но с этим уже ничего не поделаешь;

²¹ Маклаков В.А. Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. М., 2006. С. 292.

²² Вишняк М.В. «Современные записки»: воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 193.

²³ Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: энциклопедич. словарь. М., 2001. С. 509–511, 839–840.

лгать и подлаживаться в этот момент просто не стоит»²⁴. Характеризуя связь между Предисловием к французскому изданию материалов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства и создаваемыми воспоминаниями, Маклаков информировал Бахметева 8 марта 1929 г.: «Там будут только больше развиты и специально для русской публики те же основные взгляды, которые Вы имели в моем “Предисловии”. Если можно было бы их выразить в одной формуле, то я бы сказал, что там заключается пересмотр либеральной идеологии и деятельности, сделанный на основании пережитого нами опыта. Менее всего мои очерки заслуживают название “Воспоминаний”, поскольку в этом слове предполагается всегда элемент личный»²⁵. Таким образом, уже в начале создания воспоминаний Маклаков сознательно стал выходить за узкие жанровые рамки собственно «воспоминаний», допуская в них смешение жанров.

«Мне, — признавался В.А. Маклаков В.В. Шульгину 9 декабря 1929 г., — очень мешает и, вероятно, окончательно помешает то, что у меня в моих воспоминаниях чересчур смешанный жанр; здесь и автобиография, и история, и публицистика; словом, всего понемножку и ничего цельного; но иначе я и не смог бы заниматься одной автобиографией, т.е. писать о себе было бы не мой жанр де ботэ [не в моем стиле (*фр.*)]; превратиться в художника, говорить обо всем полунамеками, т.е. рисовать, как Вы это делали в “Днях”, мне не по плечу; адвокатура выработала во мне привычку неискоренимую все разжевывать, вталкивать, дорожить каждым аргументом; как писателю, мне это мешает»²⁶. Адвокатская закваска предопределила стремление В.А. Маклакова к частичному оправданию царизма и пониманию правды представителей старого режима. Имея в виду воспоминания Маклакова «Из прошлого», О.В. Будницкий пишет: «Сильная сторона его размышлений, столь необычных для деятеля оппозиции, — как раз понять правду противоположной стороны. Нельзя сказать, что он не замечал ошибок, недобросовестности и прямых преступлений “исторической” власти; в том, что случилось с Россией, виноваты были все; но отвечать каждому надо было за свою собственную вину. Кадеты,

²⁴ «Совершенно лично и доверительно!». Т. 3. С. 413.

²⁵ Там же. С. 426–427.

²⁶ Спор о России. С. 360.

по мнению Маклакова, своей вины не понимали. А вина их в конечном счете сводилась к тому, что они пытались осуществить правильные идеалы неправильными методами — и взяли к тому же неверный темп, не сумев понять реальной готовности — точнее, неготовности народа к либеральным преобразованиям. Правда бюрократов, консерваторов заключалась в том, что они лучше знали страну и механизмы управления. Либералы раскачали лодку, будучи уверенными, что справятся с течением, — и не сумели удержать руль; выброшенными за борт оказались все»²⁷. Так или иначе, но и в данном случае, впрочем — как и всегда за свою судебную карьеру, выдающийся адвокат менее всего был адвокатом дьявола...

На работе В.А. Маклакова над воспоминаниями отпечаталось то, что он являлся не только выдающимся адвокатом, но и почти состоявшимся историком. Как указывалось выше, в Московском университете Маклаков учился на историко-филологическом факультете и принадлежал к числу любимых учеников известного медиевиста профессора П.Г. Виноградова, под руководством которого написал серьезную научную работу²⁸. Неудивительно, что при работе над воспоминаниями Маклаков погрузился в пристальное изучение исторических источников и прежде всего нелегального журнала «Освобождение», издававшегося в 1902–1905 гг. за границей лидерами либеральной оппозиции. «Я, — сообщал В.А. Маклаков Б.А. Бахметеву 24 мая 1929 г., — доставляю себе удовольствие перечитывать “Освобождение” за эти три года. Теперь псевдонимы раскрыты, да, наконец, просто узнаешь знакомые перья»²⁹. Кроме «Освобождения» Маклаков основательно проштудировал газету «Право» — другой орган либеральной оппозиции начала XX в., а также записку графа С.Ю. Витте «Самодержавие и земство»³⁰ и протоколы особых совещаний, обсуждавших в июле 1905 и в апреле 1906 г. под председательством Николая II Учреждение законосовещательной

²⁷ Будницкий О.В. В.А. Маклаков и журнал «Современные записки». С. 231.

²⁸ Маклаков В.А. Избрание жребием в Афинском государстве // Исследования по греческой истории. I. Избрание жребием в афинском государстве. В. Маклакова. II. Аристотель и Эфор. М. Гершензона. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1894. С. 1–94.

²⁹ «Совершенно лично и доверительно!». Т. 3. С. 438.

³⁰ Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С.Ю. Витте (1899). С предисловием и примечаниями Р.Н.С. [П.Б. Струве]. Печатано «Зарей». Stuttgart, 1901.

(«Булыгинской») Государственной думы³¹ и проекты новых Основных государственных законов³².

Естественно, что в поле зрения В.А. Маклакова попали и документы частного характера — воспоминания и дневники государственных, общественных и революционных деятелей не только начала XX в., но и предыдущих периодов истории России, причем изданные как в эмиграции, так и в СССР. Среди авторов этих воспоминаний и дневников — И.П. Алексинский, М.М. Винавер, граф С.Ю. Витте, М.В. Вишняк, С.В. Завадский, А.А. Кизеветтер, граф В.Н. Коковцов, Е.Д. Кускова, М.Л. Мандельштам, П.Н. Милюков, Ж.М. Палеолог, Е.А. Перетц, И.И. Петрункевич, Т.И. Полнер, М.В. Родзянко, Ф.И. Родичев, В.А. Розенберг, Л.А. Тихомиров, А.Ф. Тютчева, Е.М. Феоктистов, В.М. Чернов, Д.Н. Шипов. Работая над воспоминаниями «Из прошлого», В.А. Маклаков уделил самое большое внимание мемуарам С.Ю. Витте, которые, из всех перечисленных источников, оказали на Маклакова самое большое влияние, вследствие чего он, будучи к тому же под обаянием личности графа, как его многолетний знакомый, воспринимал некритически многие сюжеты этих мемуаров и государственную деятельность Витте в целом.

Открывали воспоминания «Из прошлого» две вступительные главы, имевшие концептуальный характер — не столько мемуарных, сколько публицистических и даже, говоря современным языком, историко-политологических размышлений о причинах, природе и последствиях революции 1917 г. В первой статье делался особый упор на критику тактики русского либерализма вообще и Кадетской партии в особенности³³, во второй — на раскрытие реформаторского потенциала царизма в лице Александра II, С.Ю. Витте и П.А. Столыпина³⁴. П.Н. Милюков, откликаясь на начало публикации воспоминаний В.А. Маклакова, в газете «Последние новости» фактически обвинил его в измене либерализму и Кадетской партии³⁵, а в дальнейшем сопровождал появление новых глав

³¹ Петергофское совещание о проекте Государственной думы под личным Его Императорского Величества председательством. Секретные протоколы. Berlin, [1905].

³² Царскосельские совещания. Протоколы Секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов // Былое. 1917. № 4. С. 183–245.

³³ Маклаков В.А. Из прошлого // Современные записки. 1929. Кн. 38. С. 276–314.

³⁴ Он же. Из прошлого // Современные записки. 1929. Кн. 40. С. 291–332.

³⁵ Милюков П.Н. Кающийся кадет // Последние новости. 1929. 22 марта. С. 1.

«Из прошлого» критическими статьями, печатавшимися не только в «Последних новостях»³⁶, но и в «Современных записках»³⁷. Конечно, либерализму Маклаков не изменял, а в случае с Кадетской партией и изменять было нечему, поскольку к концу 1920-х гг. ее попросту не существовало.

Позднее, подчеркивая, что «признавать верность идей не значит одобрять все действия тех, кто им хочет служить», В. А. Маклаков так отвечал на обвинения П. Н. Милюкова в измене либеральным идеям: «Идеи были и правильны, и своевременны, но представители их в то минувшее время им служить не сумели. Обвинять тех, кто действия их критикует, в измене самим идеям, — значит уподобляться ученому, который в выражениях себе усмотрел бы неуважение к самой науке. <...> Искусство “политика” оценивается по результатам, а не по верности политической “грамматике”. Если защитники либерализма допускали ошибки, то почему может быть вредно их показать?»³⁸ Не изменял Маклаков и освободительному движению конца XIX — начала XX в., воспринимая его, однако, в ретроспективе, с учетом исторического опыта, а потому много сложнее, нежели Милюков.

В. А. Маклаков писал В. В. Шульгину 3 декабря 1929 г.: «Освободительное движение было неизбежно и было полезно для России, и ругать его я не могу; но оно же было и несчастьем для России, ибо все позднейшие беды заложены были именно в нем. Если пользоваться банальным сравнением, то я бы сказал, что эта операция была совершенно необходимой, потому что больного не лечили вовремя, но хотя эта операция больного спасла, но его оставила все-таки калекой. Такая точка зрения, конечно, никому не понравится, что хуже, немногие ее даже поймут; а между тем, я думаю, что когда мы отойдем на большую дистанцию, то о нашей эпохе будут судить именно так...»³⁹. Очевидно, В. А. Маклакову,

³⁶ Политика в «Современных записках» // Последние новости. 1929. 4 апр.; Политика в «Современных записках» // Последние новости. 1930. № 3394, 3396. 8, 10 июля; Публицистика в «Современных записках» (т. XLV–XLVI) // Последние новости. 1931. № 3767. 16 июля; «Современные записки», книга 56-я. Отдел политический // Последние новости 1934. № 4991. 22 нояб.; Русские «либералы» и заем 1906 г. // Последние новости 1936. № 5460. 5 марта.

³⁷ Суд над кадетским «либерализмом» // Современные записки. 1930. Кн. 41. С. 347–371; Либерализм, радикализм и революция // Современные записки. 1935. № 57. С. 285–315.

³⁸ Маклаков В. А. Первая Государственная дума: воспоминания современника. 27 апреля — 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 6–7.

³⁹ Спор о России. С. 360.

в отличие от П. Н. Милюкова, было свойственно менее политизированное и более нейтральное восприятие истории освободительного движения, что отразилось на содержании десяти статей и 24 глав воспоминаний «Из прошлого», которые как раз и имели подзаголовок «Освободительное движение»⁴⁰. За ними следуют две статьи и три главы с подзаголовком «Первая революция»⁴¹, одна статья, посвященная земскому движению 1905–1917 гг.⁴², и другая, по поводу легенды о «кадетском противостоянии» займу 1906 г.⁴³ На этом публикация воспоминаний «Из прошлого», длившаяся семь лет, с 1929 по 1936 г., и занявшая 16 книг и около 400 страниц «Современных записок», прекратилась. Это объяснялось тем, что именно в 1936 г. вышли в свет выросшие из книги «Из прошлого» воспоминания Маклакова «Власть и общественность на закате старой России», ставшие приложением к журналу «Иллюстрированная Россия».

Первоначально В. А. Маклаков хотел опубликовать мемуары отдельно в издательстве «Современных записок», тем более что именно там в 1929 г. он напечатал две свои речи о графе Л. Н. Толстом⁴⁴, ранее появившиеся в журнале «Современные записки»⁴⁵. Подразумеваемая «статья» «Из прошлого», В. А. Маклаков 3 декабря 1929 г. выражал В. В. Шульгину надежду, что «Современные записки» «сделают то, чем грозятся, т. е. выпустят их отдельной книгой»⁴⁶. «Грозиться» этим журнал стал уже в том томе, в котором появилась первая статья «Из прошлого», то есть в томе 38 за 1929 г. «Книгоиздательство Библиотека “Современных

⁴⁰ Маклаков В. А. Из прошлого. Освободительное движение. [Главы I–XXIV] // Современные записки. 1930. Кн. 41. С. 232–275; Кн. 42. С. 268–291; Кн. 43. С. 288–310; Кн. 44. С. 423–447; 1931. Кн. 46. С. 263–286; Кн. 47. С. 322–351; 1932. Кн. 48. С. 346–377; Кн. 50. С. 271–287; 1933. Кн. 51. С. 228–250; Кн. 53. С. 251–277.

⁴¹ Из прошлого. Первая революция. [Глава I–III] // Современные записки. 1934. Кн. 54. С. 317–340; Кн. 56. С. 238–256.

⁴² Из прошлого. [Настроения земства, 1905–1917 гг.] // Современные записки. 1935. Кн. 58. С. 258–273.

⁴³ Из прошлого. [О легенде «кадетского противостояния» займу 1906 г.] // Современные записки. 1936. Кн. 60. С. 263–275.

⁴⁴ Маклаков В. А. О Льве Толстом. Две речи. Париж: Изд-во «Современные записки», 1929.

⁴⁵ Маклаков В. А. Лев Толстой: (Учение и жизнь) // Современные записки. 1928. Кн. 36. С. 220–263; Он же. Толстой как мировое явление (Речь, произнесенная в Праге 15 ноября 1928 г. на праздновании юбилея Л. Толстого) // Современные записки. 1929. Кн. 38. С. 224–245.

⁴⁶ Спор о России. С. 360.

записок», помимо выпущенной книги Т.И. Полнера: «Л. Толстой и его жена», — читаем на рекламной странице данного тома, — печатает и готовит к печати следующие книги: ... В.А. Маклаков: Из прошлого»⁴⁷. О том, что в Издательстве «Современные записки» «готовятся к печати», помимо прочего, и «В.А. Маклаков: Из прошлого», сообщается на той же странице в 1929 г. в книгах 39 и 40⁴⁸. Наконец, информация, согласно которой в Издательстве «Современные записки» «готовятся к печати» «В.А. Маклаков: Из прошлого» и заказы на эти воспоминания «принимаются в конторе издательства», размещалась на рекламной странице журнала «Современные записки» в следующие четыре года⁴⁹. Многолетняя задержка с публикацией отдельного издания воспоминаний «Из прошлого» объяснялась тем, что редакция «Современных записок» намеревалась напечатать не уже законченные мемуары, а мемуары, которые еще только создавались.

Хотя консервативный либерализм и правокадетский дух текстов В.А. Маклакова вызывали неприятие у коллег И.И. Фондаминского по редакции, прежде всего у М.В. Вишняка, поскольку все они являлись консервативными социалистами и правыми эсерами⁵⁰, тем не менее все члены редакции были едины в желании того, чтобы Маклаков как можно быстрее закончил свои воспоминания. Показательно, что, как бы подгоняя медлительного мемуариста, редакция разместила в 1930 г. на рекламной странице книги 41 «Современных записок» такую информацию: «В текущем 1930 году в журнале “Современные записки” будут напечатаны» в том числе и «В.А. Маклаков: Из прошлого»⁵¹. Но, конечно, главным союзником Маклакова в деле подготовки отдельного издания его воспоминаний оставался Фондаминский, который, имея в виду мемуарные «статьи» Маклакова, писал ему 19 января 1931 г.: «...важно, чтобы они были напечатаны целиком в отдельном издании»⁵². «Книгу, — сообщал Фондаминский

⁴⁷ Современные записки. 1929. Кн. 38. С. 557.

⁴⁸ Современные записки. 1929. Кн. 39. С. 559; Кн. 40. С. 559.

⁴⁹ Современные записки. 1930. Кн. 42. С. 551; Кн. 43. С. 543; 1932. Кн. 49. С. 481; 1933. Кн. 51. С. 481; Кн. 52. С. 481; 1934. Кн. 54. С. 481; Кн. 56. С. 447.

⁵⁰ Подробнее об этом см.: *Будницкий О.В.* В.А. Маклаков и журнал «Современные записки».

⁵¹ Современные записки. 1930. Кн. 41. С. 559.

⁵² «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции. Т. 4. С. 165–166.

5 мая того же года, — обязательно выпустим (набор сохраняется). Надеюсь, что она себя окупит — в крайнем случае придется достать маленькую сумму (книга [М.И.] Ростовцева издана очень удачно — не хватило всего 1000 фр.⁵³). Наше издательство процветает — уже выпустили 25 книг, а готовим к печати еще десятки. Надеюсь скоро встретиться с Вами в Париже (в половине июня) — тогда обо всем подробно поговорим»⁵⁴. Через два года, 23 марта 1933 г., Фондаминский продолжал уверять Маклакова: «Разумеется, мы хотим издать Вашу книгу. Весь вопрос только в том, найдем ли мы складчика, который согласится оплатить типографию — в последнее время они боятся брать на себя весь риск и требуют, чтобы автор брал на себя часть расходов. Об этом мы поговорим при свидании»⁵⁵. Вопрос, однако, заключался еще и в том, когда же Маклаков закончит свои мемуары.

Окончание работы В.А. Маклакова над воспоминаниями стало намечаться почти через полтора года, 1 июля 1934 г. он сообщал И.И. Фондаминскому: «С тех пор, как зимой Вы говорили мне про книгу, я стал к этому готовиться и поневоле увлекся. В результате книга будет готова к осени; мне остается только первая глава, которую я напишу во время вакантов. Она вся радикально переделана в связи с тем, что печаталось; до такой степени, что пользоваться печатным текстом для набора придется только на 20 или 30 страницах; все остальное написано вновь. Прибавлены две главы: о моем студенчестве и та первая глава, которую еще не написал, где я буду говорить о своих юношеских наблюдениях над старшим поколением; в нее войдут и воспоминания о Любенкове и Голохвастове и еще много другого»⁵⁶. Необходимо уточнить, что к этому времени Маклаков частично опубликовал воспоминания как о пребывании в Московском университете, так и о Л.В. Любенкове и П.Д. Голохвастове⁵⁷, то есть о тех московских общественных деятелях, с которыми он общался в молодости.

⁵³ Имеется в виду следующее издание: *Ростовцев М.И.* О Ближнем Востоке. Париж: Изд-во «Современные записки», 1931.

⁵⁴ «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции / Под ред. О. Корстелева и М. Шрубы. М., 2014. Т. 4. С. 170.

⁵⁵ Там же. С. 189.

⁵⁶ Там же. С. 197.

⁵⁷ Отрывки из воспоминаний // Московский университет, 1755–1930: Юбилейный сборник. С. 294–318; Люди московские // Сегодня. 1930. № 12. 12 янв.